

Н. Перих

Алтай Гималаи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
Н11

Н11 **Н. Перих**
Алтай Гималаи / Н. Перих – М.: Книга по Требованию, 2024. – 220 с.

ISBN 978-5-458-04334-2

Написанная в форме путевых заметок, книга «Алтай Гималаи» в действительности гораздо глубже по своему содержанию, чем обычный путевой дневник. На страницах этой книги читатель познакомится с множеством интереснейших фактов из истории, культуры, духовной жизни древнего и современного Востока. Книга Н.К. Периха станет настоящим подарком для всех, интересующихся эзотерической духовной культурой Индии и Тибета.

Приоткройте завесу тайны с нашей коллекцией книг по эзотерике.

Эти книги станут вашим проводником на пути к самопознанию, расширению возможностей и достижению гармонии во всех сферах жизни.

Книги из нашей подборки помогут вам:

- Раскрыть скрытый порядок и закономерности мироздания
- Освоить искусство влияния на реальность и обретения своего истинного предназначения
- Преобразовать все аспекты жизни (здравье, отношения, материальное благополучие)
- Научиться использовать силу сознания для создания позитивных изменений
- Найти духовного наставника для поддержки и руководства
- Развить способность накапливать и направлять духовную энергию для личного роста и трансформации

ISBN 978-5-458-04334-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024
© Н. Перих, 2024

Николай Перих
Алтай – Гималаи
Путевой дневник

I. Цейлон – Гималаи

(1923—1924)

«Урус карош!» – кричит лодочник в Порт-Саиде, увидав мою бороду. Всюду на Востоке звенит этот народный привет всему русскому. И сверкает зеленая волна, и красная лодка, и бело-голубая одежда, и жемчуг зубов: «Карош урус!». Привет Востока!

Вот и Синай показался в жемчужной дымке. Вот источник Авраама. Вот и «двенадцать апостолов» – причудливые островки. Вот и Джидда, преддверие Мекки. Мусульмане парохода молятся на восток, где за розовыми песками скрыто их средоточие. Направо древним карнизом залегла граница Нубии. На рифах торчат остовы разбитых судов. Чермное море¹ умеет быть беспощадным вместе с аравийским песчаным ураганом. Огненный палец вулкана Стромболи недаром грозил и предупреждал ночью. Но теперь, зимою, Чермное море и сине, и не жарко, и дельфины скачут в бешеном веселье. Сказочным узором залегли аравийские заливы – Кория Мория.

Японцы не упускают возможности побывать около пирамид. Эта нация не теряет времени. Надо видеть, как быстрозорко шевелятся их бинокли и как настойчиво насущны их вопросы. Ничего лишнего. Это не вакантный туризм усталой Европы. «Ведь мы же договоримся наконец с Россией», – деловито, без всякой сентиментальности говорит японец. И деловитость пусть будет залогом сотрудничества.

В Каире в мечети сидел мальчик лет семи-восьми и нараспев читал строки Корана. Нельзя было пройти мимо его проникновенного устремления. А в стене той же мечети нагло торчало ядро Наполеона. И тот же завоеватель империи разбил лицо великого Сфинкса.

Если обезображен Сфинкс Египта, то Сфинкс Азии сбережен великими пустынями. Богатство сердца Азии сохранено, и час его пришел.

Древний Цейлон – Ланка Рамаяны.² Но где же дворцы и пагоды? Странно. В Коломбо встречает швейцарский консул. Полицейский – ирландец. Француз торговец. Грек с непристойными картинками. Голландцы чаевики, Итальянец шофер. Где же, однако, сингалезы? Неужели все переехали в театры Европы?

Первые лики Будды и Майтрейи³ показались в храме Келания около Коломбо. Мощные изображения хранятся в сумерках храма. Хинаяна⁴ гордится своей утонченностью и чистотой философии перед многообразной махаяной.

Обновленная большая ступа⁵ около храма напоминает о древнем основании этого места. Впрочем, и все Коломбо, и Цейлон только напоминают по осколкам о древней Ланке, о Ханумане, Раме, Раване⁶ и прочих гигантах.

Множество храмов и дворцовых строений могут хранить остатки лучшего времени Учения. Кроме известных развалин сколько неожиданностей погребено под корнями зарослей. То, что осталось поверх почвы, дает представление о былом великолепии места. Всюду скрыты находки. Не надо искать их, они сами кричат о себе. Но работа может дать следствия, если будет произведена в широких размерах. К развалинам, где один дворец имел девятьсот помещений, нельзя подходить без достаточного вооружения. Цейлон важное место.

Общие купания около кисло-сладкой горы Лавиния не являются царство гигантов древности. Тонкие пальмыстыстыдливо нагнулись к пне прибоя. Как скелеты,

стоят фрагменты Анурадхапуры. По обломкам Анурадхапуры можно судить, как мощен был Борободур на Яве.

И опять неутомимо мелькают лица наших спутников японцев, с которыми мы оплакивали останки каирских пирамид, перешедших из славной истории в паноптикум корыстного гида.

Неужели Индия? Тонкая полоска берега. Тощие деревца. Трещины иссушенной почвы. Так с юга скрывает свой лик Индия. Черные дравиды еще не напоминают Веды⁷ и «Махабхарату».⁸

Пестрый Мадурай с остатками дравидских нагромождений. Вся жизнь, весь нерв обмена около храма. В переходах храма и базар, и суд, и проповедь, и скатерть Рамаяны, и сплетни, и священный слон, ходящий на свободе, и верблюды религиозных процессий. Замысловатая каменная резба храма раскрашена грубыми нынешними красками. Художник Сарма горюет об этом, но городской совет не послушал его и расцвел храм по-своему; Сарма горюет, что многое тонкое понимание уходит и заменяется пока безразличием.

Предупреждает неходить далеко в европейских костюмах, ибо значительная часть населения может быть враждебна. А в Мадурае все-таки один миллион жителей. Сарма расспрашивает о положении художников в Европе и в Америке. Искренно удивляется, что художники Европы и Америки могут жить своим трудом. Для него непонятно, что искусство может дать средства к жизни. У них – занятие художника самое бездоходное. Собирателей почти нет.

Махараджи предпочитает иметь что-либо хоть поддельное, но иностранное или вообще не имеют, заменяя продукты творчества аляповатыми побрякушками, или третят тысячи на лошадей. Довольно безнадежны эти соображения о положении искусства.

Сам Сарма – высокий, в белом одеянии, с печально-спокойною речью, ждет что-то лучшее и знает всю тяготу настоящего.

Часто жалуются в Индии на недостаток сил. Говорят, что тем же страдает школа Рабиндраната Тагора в Больпуре. Недавно, в 1923 году, школа понесла тяжелую утрату. Умер друг дела Пирсон; помните его прекрасную книжечку «Заря Востока»? Было в школе несколько приезжих хороших ученых, но их влияние было кратковременным. Профессор С. Леви жаловался, что состав слушателей не отвечал его курсу. Индузы боятся за дальнейшую судьбу школы Тагора. Они говорят: покуда поэт жив, он может давать на это дело личные средства и личным воздействием доставать вспомоществование от махараджей и навабов.⁹ Но что будет, если дело останется без руководителя и без притока средств?

С Тагором не пришлось повидаться. Странно бывает в жизни. В Лондоне поэт нашел нас. Затем в Америке удавалось видаться в Нью-Йорке, а Юрию – в Бостоне, а вот в самой Индии так и не встретились. Мы не могли поехать в Больпур, а Тагор не мог быть в Калькутте. Он уже готовился к своему туру по Китаю, который прошел так неудачно. Китайцы не восприняли Тагора.

Бывали многие странности. В Калькутте мы хотели найти Тагора. Думали, что в родном городе достаточно упомянуть его имя, ибо все знают поэта. Сели в мотор, указали везти прямо к поэту Тагору и бесплодно проездели три часа по городу. Прежде всего нас привезли к махарадже Тагору. Затем сотня полицейских, и лавочников, и прохожих *бабу*¹⁰ посыпала нас в самые различные закоулки. Наконец на нашем моторе висело шесть добровольных проводников, и так мы

наконец сами припомнили название улицы, Дварканат-стрит, где дом Тагора.

Передавали, что, когда Тагор получил Нобелевскую премию, депутатию от Калькутты явилась к нему, но поэт сурово спросил их: «Где же вы были раньше? Я остался тем же самым, и премия мне ничего не прибавила». Привет Тагору!

Мы встретили родственников нашего друга Тагора. Абаниндранат Тагор, брат Рабиндраната, – художник, глава бенгальской школы. Гоганендранат Тагор, племянник поэта, – тоже художник, секретарь бенгальского общества художников. Теперь он подражает модернистам. Хороший художник Кумар Халдар, теперь он директором школы в Лакхнау. Трудна жизнь индусских художников. Надо много решимости, чтобы не покинуть этот тернистый путь. Привет художникам Индии! Отчего во всех странах положение ученых и художников так необеспечено?

Тернист путь и индусских ученых. Вот у нас на глазах борется молодой ученый Баше Сен, биолог, ученик Д. Баше. Он организовал свою лабораторию имени Вивекананды. В его тихом домике над лабораторией помещается комната, посвященная реликвиям Рамакришны. Вивекананда и других учителей этой группы. Сам Б. Сен – ученик близкого ученика Вивекананды – несет в жизнь принципы Вивекананды, бесстрашно звавшего к действию и познанию. В этой верхней светелке Б. Сен собирается с мыслями, окруженный вещами, принадлежавшими его любимым водителям. Запомнился ярко портрет Рамакришны и его жены. Оба лица поражают своею чистотою и устремленностью. Мы посидели в полном молчании у этого памятного очага. Привет!

Тут же, в Калькутте, недалеко за городом два памятника Рамакришны. На одном берегу Дакшинесвар – храм, где долго жил Рамакришна. Почти напротив, через реку, – Миссия Рамакришны, усыпальница самого учителя, его жены, Вивекананды и собрание многих памятных вещей. Вивекананда мечтал, чтобы здесь был настоящий индусский университет. Вивекананда заботился об этом месте. Тут много тишины, и с трудом сознается, что это так близко от Калькутты со всеми ее ужасами базаров и сумятицы.

Мы встретили сестру Кристину, почти единственную оставшуюся в живых ученицу Вивекананды. Ее полезная работа была прервана войною. И вот после долгого ряда лет сестра Кристина снова приехала на старое пепелище. Люди изменились, сознание занято местными проблемами, и нелегко сестре Кристине найти контакт с новыми волнами жизни.

В памятный день Рамакришны собирается до полутора миллиона его почитателей.

После самого чистого – к самому ужасному. В особых кварталах Бомбея за решетками сидят женщины-проститутки. В этом живом товаре, прижавшемся к решеткам, в этих тянувшихся руках, в этих выкриках заключен весь ужас осквернения тела. И инду-садху¹¹ с возжженными курениями в руках медленно проходит этим ужасным местом, пытаясь очистить его.

Калькутта, так же как и Бомбей и Мадрас, как и все портовые города, оскорбляет лучшие чувства. Здесь гибнет народное сознание.

Когда мы входили в Чартеред-банк, навстречу из дверей вышла священная корова. И это сочетание банка со священной коровой было поражающее.

Огорчило нас «Модерн Ревью». Мы хотели установить связи с Америкой, но редактор сказал: «Мы интересуемся только тем, что касается самой Индии». При таком сужении кругозора трудно развиваться и эволюционировать.

Много узости и много запутанности и подозрительности. От этого тухнет пламя искания и смелости. Хотел я зайти в редакцию газеты. Друг остановил меня: «Вас не должны там видеть, могут возникнуть подозрения». И так трудно лучшим людям Индии.

Книга по изучению древних религий, присланная нам из Америки, была принята за мятежную литературу. *Американский Экспресс* имел много переписки, прежде чем мог доставить нам посылку. А оттиски статьи Юрия и совсем не дошли из Парижа.

Рычат тигры в Джайпуре. Махараджа запрещает стрелять их. Пусть лучше пожирают его подданных, но его светлость должна иметь безопасную забаву стрельбы тигров из павильона на спине слона. В Голта Пасс сражаются два племени обезьян. Проводник устраивает этот бой за самую сходную плату. Теперь все битвы могут быть устроены очень дешево.

Сидят факиры, «очаровывая» старых полуживых кобр, лишенных зубов. Крутится на базаре жалкий хатха-йог,¹² проделывая гимнастическую головоломку для очищения своего духа. «Спиритуалист» предлагает заставить коляску двигаться без лошадей, но для этого нужно, «чтобы на небе не было ни одного облачка».

И тут же рядом фантастичный и романтичный обломок старой Раджпутаны – Амбер, где с балконов принцессы смотрели на турнир искателей их сердец. Где каждые ворота, где каждая дверка поражают сочетаниями красоты. И тут же углубленный и причудливый Голта, который не может представить фантазия – только «игра» жизни наслаждает такие неожиданные созидания. И тут же Джайпур со сказочной астрологической обсерваторией и с очарованием неиспорченного индо-мусульманского города. Фатехпур Сикри, Агра – редкие обломки ушедшей культуры. Но стенопись Аджанты уже не прочна.

Все остатки строительства Акбара¹³ имеют налет какой-то грусти. Здесь великий объединитель страны хоронил свои лучшие мечты, так непонятые современниками. В Фатехпур Сикри беседовал со своим мудрым Бирбалом и с немногими, понявшими его уровень. Здесь он строил храм единого знания. Здесь он терял немногих друзей своих и предчувствовал, как не сохранится созданное им благополучие государства. И Агра, и Фатехпур Сикри – все полно безграничною грустью. Акбар знал, как будет расхищено достояние, данное им народу. Может быть, уже знал, как последний император Индии дотянет до половины девятнадцатого века, торгуя мебелью своего дворца и ковыряя из стен дворца в Дели осколки мозаик.

Новый Дели с какими-то ложноклассическими колоннами, казарменно-холодными, нарочито вычурными, показывает, что это строительство не может иметь общее понимание с сознанием Индии.

Очистить Индию и возвеличить ее можно не этими мерами. И прежде всего надо вместить индусское сознание.

При всей запыленности временем архитектура Бенареса все же сохраняет очарование. Все смешение форм староиндусских, дравидских и мусульманских может давать новые решения для непредубежденного архитектора. Легко можно представить комбинацию многоэтажного тибетского строения с удобствами американского небоскреба. Можно провести уравнение от дворцов Бенареса к дворцам Венеции и к жилому особняку. Можно разработать стиль пуэбло¹⁴

американских в новейшем понимании, как делается в Санта-Фе.¹⁵

Но обезобразить Индию чуждыми ей ложноклассическими колоннами и казарменными белыми бараками?! Это глубокое безвкусие происходит от отсутствия всякого воображения и прозрения.

Один индус жаловался мне на отсутствие индусов-архитекторов. Я говорил: «Если нет архитектора, дайте живописцу разработать идею, но идите от гармонии народного сознания с характером природы». Нельзя опоганить весь мир одним казенным бунгало.¹⁶ Нельзя из Явы делать шведский Стокгольм.¹⁷ И нельзя команчей и апачей видеть в коттеджах Бостона. Соизмеримость должна быть соблюдена.

Седобородый человек на берегу Ганга, сложив чашу рук, приносил все свое достояние восходящему солнцу. Женщина, быстро отсчитывая ритм, совершала на берегу утреннюю праняму. Вечером, может быть, она же послала по течению священной реки вереницу светочей, молясь за благо своих детей. И долго бродили по темной водной поверхности намоленные светляки женской души. Глядя на эти приношения духа, можно было даже забыть толстых браминов Золотого храма. Вспоминалось иное.

Гигантские ступы буддизма – погребальные памятники, обнесенные оградою, те же курганы всех веков и народов. Курганы Уппсалы в Швеции, русские курганы Волхова на пути к Новгороду, степные курганы скифов, обнесенные камнями, говорят легенду тех же торжественных сожжений, которые описал искусный арабский гость Ибн-Фадлан.¹⁸ Всюду те же очищающие сожжения.

Много благовоний, розовой воды и пахучего сандалового дерева. Потому не тяжал дым сожжений тел в Бенаресе. И в Тибете сожжение тоже принято.

Значит, опять писатели напутали, когда описывали исключительно «дикие» погребальные обычаи Тибета. Откуда же это желание показать все чужое более диким. Черня других, сам более не станешь. Лишь отсутствие горючих материалов заставляло отступать от лучшего способа, то есть от сожжения.

Обратите внимание на нежные детские игры Востока. Послушайте сложный ритм пения и тихой музыки. Нет грубых бранных слов Запада.

Махараджа Майсора просыпается под особые песни. Песни начала и конца.

В Мадурае, в тесном закоулке, старик чеканит изображения «богов». Последний старик, с ним умрет это уменье. Прошлое умирает. Так приходит будущее.

На полях стоят круги из белых керамиковых коней. Откуда эти Световитовы¹⁹ кони? На них тонкие тела женщин мчатся по ночам. Спина, днем согбенная в домашнем обиходе, выпрямляется ночью в полете. Что это – козлиный прыжок на шабаш? Нет, это скачка валькирий – дев воздуха. С скачка за прекрасным будущим. Привет женщине!

Рука женщины каждый день покрывает особым рисунком песок перед входом в дом. Это символ того, что в доме все благополучно, нет ни болезни, ни смерти, ни ссоры. Если нет счастья в доме, то и рука женщины замолкает. Как бы щит красоты в час благополучный полагает перед домом рука женщины. Уже девочки в школах учатся разнообразию узоров для знаков счастья. Невыразимая красота живет в этом обычай Индии.

Вивекананда звал к работе и свободе женщину Индии, он же спросил так называемых христиан: «Если вы так любите учение Иисуса, почему вы ни в чем ему не следуете?» Так говорил ученик Рамакришны, прошедшего сущность всех

учений и научившегося на жизни «не отрицать». Вивекананда не есть прилежный «свами». Что-то львиное звучит в его письменах. Как он был бы нужен Индии сейчас!

«Буддизм – самое научное учение», – говорит индусский биолог Боше. Радостно слышать, как этот большой истинный ученый, нашедший путь к тайнам жизни растений, говорит о Веданте, Махабхарате, о поэзии легенд Гималаев. Только настоящее знание может найти всему сущему достойное место. И под голос ученого, простой и понятный, серебристые звуны электрических аппаратов отбивают пульс жизни растений, открывая давно запечатанную страницу познания мира.

Мать Боше в свое время продала все свои драгоценности, чтобы дать сыну образование. Ученый, показывая свое «царство», говорит: «Вот здесь в роскошных условиях находятся дети богачей. Посмотрите, как стали они пухлы и дряблы. Им нужна хорошая буря, чтобы опять вернуть их к жизненным условиям». Зная пульс растительного мира, ученый здраво подходит ко всем проявлениям жизни. Очень ценит отзыв Тимирязева о его трудах. Одну из лучших книг своих Боше написал на высотах Пенджаба в Майявати – в общине Вивекананды.

Слишком рано ушел Вивекананда. Боше и Тагор – лучшие лики Индии.

Фрески Аджанты, мощная Тримурти²⁰ Элефанты и гигантская ступа в Сарнате – все это говорит о каких-то других временах, теперь уже неприложимых. Существует известие, что уже во времена Будды культура Индии начала поникать. И сейчас, может быть, нигде так не мерещится эта бывшая красота, как иногда в тонком и стройном силуэте женщины, несущей свою вечную воду. Воду, питающую очаг. И колодезь, так же как в библейские времена, остается местом средоточия всего поселения.

На самых задворках в маленькой клумбочке убогих цветов покоятся безобразненькое изображение Ганеши – слона счастья. Семья индусского кули, живущая в шалаше, уделяет ему последние зерна риса. Не много счастья принесло им это изображение. Индию надо знать не только из дворцов махараджи.

По разным соображениям, понятным лишь для бывших на Востоке, пришлось отказаться от личной встречи с Ауробиндо Гхошем. Помните ли, видели ли замечательные предсказания Гхоса о ближайших судьбах человечества в Азии? Эти замечательные письма Поля Ришара и прозрения Ауробиндо Гхоса? На современном фоне близоруких политик его работа полна знания для будущего. Обычно о нем мало слышат люди. Помните ли слова о семи нациях? И о мировых катаклизмах? Привет!

И ведь люди, ругающие все русское, втайне мечтают о какой-то торговле и сношениях именно с Россией.

Экспортеры Цейлона, Ассама и Дарджилинга очень хотели бы иметь дело с русскими. Китайский Туркестан, говорят, мечтает об этом, ибо трудный караванный путь через Каракорум и Кашмир необычайно сложен.

Несмотря на обилие туристов, как-то мало знают Америку. Оно и понятно. Вся масса туристов быстро протекает через блиндируемые каналы *Томас Кук и К°* и *Американского Экспресса* и не может входить в действенный контакт с жизнью страны. На севере Индии американцев называют «кочевниками», ибо агентства придают этим спешащим, запыхавшимся группам особый характер, совершенно вне народного понимания. Из окон вагона мелькают притаившиеся

деревушки, эти первоначальные поставщики всех продуктов и делатели народа. Кому дело до этих первоисточников?

При наличии таких изысканных ценностей, как Рабиндрнат Тагор, Д. Боше, нельзя примириться с тем, что еще составляет содержание храмов. Вот фаллический культ – лингам в Элефанте. Еще до сих пор в святилищах этого культа видны следы свежих жертвоприношений. Из древней мудрости мы знаем, что «Лингам – сосуд знания», и знаем научное объяснение этого незапамятного понимания мудрого распределения сил. Но ведь сейчас, вне всяких пониманий, идет суеверное поклонение.

Другое безобразное зрелище? В Золотом храме в Бенаресе мимо нас провели белую козочку. Ее увели в святилище. Там, вероятно, она была одобрена, ибо через малое время ее, отчаянно упирающуюся, спешно протащили перед нами. Через минуту она была растянута в притворе храма и широкий нож брамина отсек ей голову. Трудно было поверить, что было совершено священное действие. Мясо козы, должно быть, пошло в пищу браминам. Ведь брамины мяса не кушают, за исключением мяса жертвенных животных. А таких животных запуганное население, вероятно, приводят ежедневно. Учение, предполагавшее браминов, очевидно, видело их какими-то иными, но не теми, как они выродились сейчас. Даже декоративно они не хороши. Могут ли они хранить красоту символов знания? Пока уложение каст не изменено в Индии, страна не может развиваться.

Теперь касты пришли в неописуемую неразбериху. Махараджи иногда бывают из низшей касты чистильщиков нечистот. Впрочем, каждый чистильщик нечистот знает, что в следующем воплощении он будет королем. Не отсюда ли происходят внешность и мозговые качества некоторых королей? А сколько драм, убийств и самоубийств происходит вследствие кастовой разницы между мужчинами и женщинами. Даже за наше пребывание пришлось читать о нескольких тяжелых семейных драмах на этой почве явного пережитка. В то же время веданта²¹ и адвайта²² ясно устанавливают принцип единства. Некоторые, наиболее космогонические части Вед написаны женщинами. И теперь в Индии приходит время женщин. Привет женщине Индии!

Памфлет Бенгалии кончается обращением к Великой Матери Кали. Люди, мало знающие, были бы удивлены. Индию и весь Восток надо знать во всех его лицах.

Может быть, мы пристрастны к браминам? Вспомним, что о них говорил Вивекананда в своих письменах. Строго и полно осудил Вивекананда тех из них, которые погрызли в суеверии.

Рамакришна говорил: «В Атмане нет различия между мужчинами и женщинами, между браминами и кшатриями».

Рамакришна исполнял самые черные работы, чтобы лично показать отсутствие различий.

В декабре хотим ехать в Гималаи. На нас смотрят изумленно: «Но ведь там теперь снег». Снега боятся! Между тем единственное время для Гималаев – ноябрь – февраль. Уже в марте подымается завеса тумана. А в мае – августе совсем редко можно на короткое время увидеть всю сияющую гряду снегов. Правда, такое величие нигде не повторено.

Так же как когда приближаетесь к Большому каньону Аризоны, подъезжая к взгорьям Гималаев, попадаете в особо неинтересный пейзаж.

И только на рассвете в Силигuri, как первые вестники, перед вами на миг покажутся белые великаны и опять скроются в курчавых джунглях. И опять чайные плантации. И опять казарменные бараки и фактории. Иногда только покажется «местное» жилье и спрячется, точно видение другого мира. Рассказы о нападениях тигров и леопардов. Горы ящиков чая с мякотью Оренж-Пико. Миссионер-бельгиец из Курсеонга.

Становится прохладно. Толпы маленьких кули чинят обвалы – следы минувшего муссона. В морозном воздухе нельзя себе и представить гнет муссонного летнего ливня, от которого пленевеет вся природа. Птиц мало. Видны орлы.

Горы плотно закрылись. Вид самого Дарджилинга разочаровывает. Неужели нужно искать Гималаи, чтобы найти такую неталантливую Швейцарию? Цветистые типы базара не видны сразу, а бесталанные бараки и бунгало уже бывают в глаза. Еще хуже выглядит Лебонг, где Нату-ла и Джелап-ла.

Ищем дом. Первые сведения неутешительны. Уверяют, что хороших домов нет. Показывают нечто, лишенное и вида и простора, нечто тонущее в закоулках деревянных дач и заборов. Все не то. Мы хотим – вот туда, перед лицом всех Гималаев, где не играет городской оркестр, где нет приглашений на игры в клубах. «Там ничего не найдете». Но мы упрямые. Идем сами. И находим отличный дом. И тишину. И единение. И всю цепь Гималаев перед нами. И еще неожиданность. Именно здесь жил далай-лама²³ во время своего долгого бегства из Лхасы. И до сих пор паломники приходят издалека поклониться этому жилью. А для нас это именно то, что надо.

Не раз мы просыпались от пения и мерных ударов вокруг дома. Это ламы, земно простираясь, многократно обходили наш дом. Побывали и тибетцы, и бутанцы, и непальские шерпы.²⁴ Появляется в огненно-красном халате монгол из Ордоса. Все само пришло.

Кто-то сказал, что это дом привидений. Где-то в народе болтали, что в этом доме живет черт и показывается в виде черной свиньи. Но чертей мы не боимся, а в соседней деревне Бхутия Бести много черных свиней, похожих на кабанов. Не исполняли ли роль черта наши милые обезьяны, забирающиеся к нам в ванную и поедавшие около дома горох и цветы,

Скучная необходимость иметь много слуг. И причины – все те же касти. Доходит до абсурда. Сторож не чистит дорожки... Почему? Оказывается, по касте своей он кузнец и не имеет права взять метлу в руки, иначе он осквернится и станет чистильщиком нечистот. Он решает эту проблему оригинально: начал разгребать дорожки пятернею, ползая по земле. Конюх оказался из высокой касти кшатриев и намекал на потомков короля, что не мешало ему утаскивать лошадиную пищу. Иногда на кухне устраивались религиозные митинги, и повар, председатель местной Ария Самадж,²⁵ в чем-то долго убеждал своих слушателей. Лучше всех себя вели тибетцы. У них, у буддистов, нет никаких запретов. Работают быстро. Веселы. Очень понятливы и легко усваивают. А уж если пойдут по круче скалы, то не угонитесь.

Много рассказов о Тибете, о воинственном племени кам и о диких голоках,²⁶ которые сами себя называют «дикие псы». Там уже времена Зигфрида:²⁷ закрепляют братскую клятву, смешивая и выпивая братскую кровь. Не расстаются с оружием.

Складывается серия «Его страна» и начинается серия «Знамена Востока». В